

«МИРЫ КСЕНИИ БАШТОВОЙ»:

ЦИКЛ «ЛЕС»

И ДОРОГА К СЕБЕ ТАК ДЛИННА
ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

ЦИКЛ «ХРОНИКИ ГЪЕРТСКОЙ ИМПЕРИИ»

БУБНОВАЯ ГИЛЬДИЯ
ПЫЛЬ ДОРОГ
ПОВЕСТЬ ЭЛЬФИЙСКИХ ЛЕТ

ВНЕ ЦИКЛА:

МАРЬЯ-ЦАРЕВНА ИЗ ДЕТСКОЙ ОБЛАСТНОЙ

ВАМПИР ПОНЕВОЛЕ
КАРТЫ, ДЕНЬГИ, ДВЕ СТРЕЛЫ
РЕАЛИТИ-ШОУ «ЗАМОК»
ВАМПИР ДЕМОНУ НЕ ЭЛЬФ

Ксения Баштовая

МАРЬЯ-ЦАРЕВНА
ИЗ ДЕТСКОЙ
ОБЛАСТНОЙ

МОСКВА
Т8 RUGRAM
2020

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6
Б33

Баштовая, К.

Б33 Марья-царевна из Детской Областной / К. Баштовая. —
М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. —
298 с. — (Миры Ксении Баштовой).

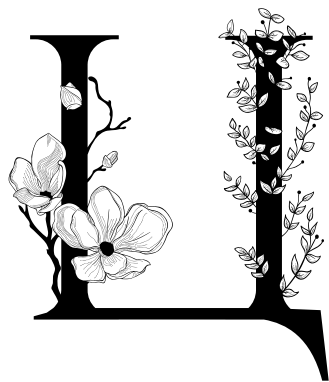
ISBN 978-5-521-73474-0

Раз в сто лет Кощей Бессмертный должен похищать царевну, такова традиция. Да где ж только ее взять, ту царевну? Разве что в Яви? А ведь потом на ней же еще жениться надо... Хотя нет! Можно же в лягушку обратить, и жить спокойно! Осталось только подобрать правильную царевну, чтоб потом за ней никакой Дурак не явился. Что? Она — врач-педиатр? Ничего, подойдет!

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-73474-0

© Ксения Баштовая, текст, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

Царь умирал мучительно. Он и раньше не отличался дородностью, а уж теперь, когда костлявая протянула руку, и вовсе стал походить на скелет. На обтянутом кожей черепе орлиным клювом выдавался нос, редкие седые волосы белой метелью обрамляли лицо, глаза, некогда горевшие голубым пламенем, потускнели и запали, длинные узловатые пальцы судорожно скребли по расшитому золотом покрывалу, а изо рта вырывалось хриплое дыхание.

Седовласый лекарь, еще несколько мгновений назад сновавший подле постели, встретился взглядом с вошедшим в комнату молодым мужчиной и, поклонившись, поспешно выскользнул из спальни, тщательно прикрыв за собой дверь. Любой зритель был бы сейчас лишним.

Сын опустился на край кровати, прикрыл ладонью руку отца. Тяжелые набухшие веки вздрогнули:

— Ты пришел... — хриплый вздох больше походил на клекот.

— Как только смог, — хмуро согласился сын. — На рубежах беспокойно.

— Понимаю. Как и всегда... — новый вздох, хриплый кашель. — Там...

Сын проследил за взглядом отца. Потухающий взор был направлен на небольшой резной ларец, оставленный в дальнем углу.

— Возьми... Там...

Молодой мужчина встал, подхватил с пола ларец, вновь опустился на краешек кровати, откинув крышку. На острых скулах заиграли розовые отблески, вырывающиеся со дна шкатулки.

Старик закаплялся:

— Ломай.

Сын, и без того не отличавшийся смуглостью, побледнел еще сильнее:

— Зачем?! Ты поправишься! Мы найдем кузнеца, я уже послал слуг. Он перекует, и тогда...

Хриплый смех:

— Ломай... Я стар...

— Тебе всего девятьсот лет! Дед прожил полторы тысячи! — он спорил с отцом и понимал, что весь этот разговор бесполезен. Все давно решено...

Тонкие губы умирающего тронула улыбка, превратившая изможденное лицо в чудовищный оскал:

— Были... другие времена... Ломай...

Сын закусил губу и медленно опустил руку в ларец. Едва слышный треск — тяжелый перстень на указательном пальце легко разбил тонкую скорлупу.

Старик шумно втянул воздух, в груди что-то заклокотало:

— Ломай...

Длинные пальцы коснулись холодного металла.

Старик захлебнулся от боли, почувствовав, как смерть сжала пальцы на сердце.

— Не... верь... сове...

Тихий щелчок.

На тонких губах, искривленных судорогой, выступила сизая пена...

...Он вышел из спальни отца, медленно, неслышно закрыл за собой дверь и прижался спиной к гладкому дереву.

На плечо легла ледяная ладонь — холод чувствовался даже через толстую ткань алого кафтана — седовласый лекарь осторожно отстранил выпешедшего в сторону и проскользнул в опочивальню — лишь мелькнул в дверях чешуйчатый хвост.

Казалось, было слышно, как сыплются песчинки в часах, стоящих на небольшом столе в изголовье кровати...

Тихо скрипнула дверь, и ничего не выражающий голос шелестнул:

— Царь умер...

...Он не помнил, как добрался до своей опочивальни. Прогнал челядь, рухнул на постель, не сбросив с нее тяжелого покрывала, не раздеваясь, не сняв сапог — подковы на каблуках царапали по жесткой парче — и уставился пустым взглядом в резной потолок

Ладонь все что-то противно кололо. Мужчина разжал кулак, и на пол упали обломки иглы с навершием в виде крошечного черепа из розового кварца...

...Его венчали на царство через месяц.

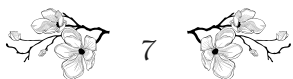
Ночной Храм был полон народу. Из болот и лесов добрались водяные и лешие, примчались, размахивая серыми саванами, блазни и лихорадки, пришли на поклон подказурники и виритники, встали из земли ночные плаксы и проклятые, хихикали понад стенами кикиморы и кузутики, вились у порога ахохи и говорухи, склонили головы волкодлаки... Все дивьи люди пришли на поклон к новому царю...

И сам Триглав опустил на голову молодому правителю Навьего царства железную корону.

Взметнулся за спиною алый плащ, черный кафтан, надетый по случаю траура, сам собою сменился шипастыми доспехами, протянутые вперед ладони коснулись крестовины возникшего из воздуха тяжелого двуручника с пламенеющим клинком...

И разнесся над Ночным храмом крик:

— Царь Кошей умер! Да здравствует царь Кошей!

Заохали, засвистели дички, всплеснули кожистыми крыльями зиланы, вскинули руки порчельники, приветствуя нового правителя... Крик и гомон разметало над капищем Триглава.

А на душе было муторно и тошно, будто жабу с молоком проглотил...

Царь Кощей умер...

Да здравствует царь Кощей...

...Навье царство живет по своим законам. Кружат вихревики меж земель и небом, вовкулаки на ночную охоту выходят, вяшки и вяшата пересчитывают по ночам солому, халы у солнца и луны снуют, надеются их украсть, Доля и Недоля прядут свои кудели...

Лишь на рубеже неспокойно. Но так было, есть и будет всегда...

Кощей мотнул головой, отгоняя незванные мысли. Сейчас, хвала Триглаву, выдалась короткая передышка, и можно не думать о том, что творится на рубежах.

Тем более что сейчас есть вопросы поважнее. Не зря же советник так настаивал на беседе?

Мужчина поднял руку, собираясь привычно поправить встрепанные волосы. Навязчивый жест, не больше того, но ладонь коснулась металлического венца... И медленно опустилась на подлокотник.

Пора отвыкать. Царю не пристало так себя вести.

Кощей выпрямился на троне и поднял глаза на склонившегося в поясном поклоне советника.

— Что ты хотел?

Вошедший выпрямился.

Сегодня Огненный Змей был в человеческом облике. Про таких говорят, кровь с молоком. Высокий, статный, светловолосый, румянец во всю щеку. Настоящий Иван-царевич!

Или Иван-дурак.

— Я по делу, мой царь.

И голос у него соответствующий. По всей светлице разнесся, по коридору пролетел эхом, заплутал по горницам и светлицам.

Кощей поморщился:

— Давай без скоморошества. Голосами будешь вдов прельщать, а здесь без этого обойдемся.

Советник медленно кивнул и вытащил из-за пазухи перетянутый алым шнуром свиток.

— Традиции, мой царь. Их надо чтить, — пухлые губы на миг дрогнули в улыбке.

— Традиции? — мужчина недоумевающе поморщился.

Если ему не изменяла память, он сделал все, что полагается. Венчание на царство прошло по всем канонам, о чем это советник говорит?

— Традиции, мой царь, — в голосе Змея проскользнули шипящие нотки. — И они требуют похищения царевны...

— Что?!

— Царевны, мой царь. Каждый правитель Нави хотя бы раз в сто лет должен похищать царевну...

На памяти Коцея их было трое. Царевны из Яви. Мачехи. Они приходили из ниоткуда и, прожив во дворце с полвека, вновь исчезали в никуда.

Красивые, в расшитых речным жемчугом сарафанах и кокошниках. Тихие, молчаливые, боящиеся глаза от пола лишний раз поднять.

Зачарованные.

Правда, сам Коцей никогда не задавался вопросом, зачем они вообще нужны, эти царевны?

Развлечение у отца какое-то было, что ли, похищать этих юных дев, похожих на легкие тени, ждать, что придет очередной царевич, стремящийся вернуть свою суженную...

Царевичи, правда, так и не пришли.

Только лягушек новых в болоте прибавилось.

— Зачем?! — он только и смог выдохнуть короткое слово, спрашивая больше у себя, чем у советника, не ожидая, что получит ответ.

Но Змей вдруг улыбнулся — меж пухлыми губами на миг мелькнул раздвоенный язык:

— Такова традиция, мой царь. Кощей должен раз в сто лет похищать царевну из Яви. Иначе ее похитит кто-то другой. И кто его знает, может он станет новым царем? Может, Триглав сочтет его более достойным?.. Горыныч вон недавно похвалялся, что сила правителя угасла, и украсть деву может и он сам... Голов у него, конечно, много, парочку можно срубить, не обеднеет... Так и не поумнеет ведь. Может и в Явь наведаться...

Маше было тридцать. У Маши был синий диплом и ординатура за плечами, однокомнатная квартира, купленная родителями, кот Маркиз, подобранный год назад на улице, хроническое отсутствие любого намека на возможное замужество и зарплата врача — педиатра в анамнезе. Другими словами, ни одному нормальному бандиту никогда бы не пришло в голову похищать Машу с целью выкупа. Хотя бы потому, что выкупать было некому и не на что. Именно поэтому с работы Мария Степановна Орлова возвращалась, не особо беспокоясь о том, насколько мрачны переулки, по которым она идет. Нет, понятно, что сейчас на улицах большого города самая плохая примета — темные переулки последним айфоном освещать, но когда у тебя нет не то что айфона, даже на простенький сенсорник денег не хватает, о таких пустьках можно не беспокоиться.

Была и еще одна причина, по которой Маша спешила домой, не глядя по сторонам и не обращая внимания на то, что творится вокруг. Завтра начинался отпуск. А значит, впереди ждали две недели тишины и спокойствия. И можно будет лежать на диване, не думая ни о чем, не видя перед собой этих надоевших карточек и «историй», и на улицу можно будет выходить только затем, чтоб купить Маркизу пачку сухого корма — а если, кстати, купить несколько упаковок этого кошачьего «макдональдса» можно будет вообще не выходить! — а там может и вовсе удастся найти «горящую» путевку выходного дня» и на субботу — воскресенье сбежать на море. А что? Насыпала коту две полные миски сухой еды, налила воды — и на пару дней свободна как птица в полете!

